

Сергей КУЗИЧКИН

Красноярск

Редактор альманаха «Новый Енисейский литератор».

Рассказы из XX века

НАТАШКА

То, что в Наташку влюбился корреспондент районной газеты, в магазине знали все.

Несколько раз корреспондент поджидал её после работы и, провожая домой, пытался уговорить пойти с ним в кино, а как-то даже помог донести ведро с водой. Но дальше этого дело не шло. На все последующие его инициативы Наташка отвечала принципиальным отказом.

Однако корреспондент не сдавался. Почти ежедневно он появлялся в магазине и подолгу ходил среди полок обувного отдела, искоса бросая взгляд в Наташкину сторону. Наташка же, принципа ради, уходила в отдел радиотоваров и, включив на всю мощь магнитофон, делала вид, что равнодушна к постоянному посетителю торговой точки.

Потолкавшись около получаса, иногда приобретя какую-нибудь безделушку, но чаще так и не купив ничего, корреспондент уходил. Вся бригада продавцов молчаливым взглядом провожала его до дверей, а затем так же молчаливо переводила взгляд на Наташку. Наташка же выключала магнитофон, шла к себе в отдел и, если не было покупателей, долго и задумчиво смотрела в окно.

Подруга Алька, работающая в паре с ней, тяжело вздыхала, но с советами не лезла, однако Наташка прекрасно понимала, что, подвернись корреспондент Альке, та бы его ни за что не упустила.

Работала Наташка в самом большом магазине райцентра — универмаге, жила на квартире у хозяйки, а на выходные ездила в деревню к матери. Было ей на вид лет двадцать пять, и была она не то чтобы красивая, скорее даже нет, но общительный характер и почти не сходящая с лица улыбка делали её привлекательной и даже обаятельной, что, по видимому, и вызывало к ней интерес некоторых молодых людей, среди которых попадались и более настойчивые,

чем корреспондент. Однако Наташка никому никакого повода не давала, и все её поклонники отступали ни с чем.

Впрочем, кое-какой жизненный опыт у Наташки уже был. После школы окончила она в большом городе профессионально-техническое училище, поработала с годик продавцом и даже неудачно вышла замуж. Всё её замужество — от знакомства до развода — не заняло в Наташкиной жизни и одного года, зато глубокая кровотокающая рана надолго легла отпечатком на сердце. Может, потому и стала она так осторожна в отношениях с теми, кто настойчиво добивался от неё взаимности.

Однако время шло. Корреспондент по-прежнему ежедневно заглядывал в магазин и интересовался то поступившими в продажу новыми аудиокассетами, то записными книжками, то расспрашивал Наташкину подругу и напарницу Альку о спортивных товарах. И как-то неожиданно для себя Наташка всё чаще и чаще стала думать о нём, проникаться к нему симпатией и даже скучать, когда он денёк-другой не заходил в торговую точку. А однажды, проснувшись рано утром в один из понедельников, она вдруг поняла, что очень хочет увидеть его сегодня, поговорить об аудиокассетах, грампластинках и ещё о чём-нибудь (всё равно о чём) и, быть может, даже сходить с ним (если предложит) в кино, пусть даже на самый последний вечерний сеанс.

В то утро она впервые за долгое время пришла в магазин с подведёнными тушью ресницами и слегка накрашенными губами. Но в этот день корреспондент в магазине не появился, не пришёл он ни во вторник, ни в среду, ни в последующие дни недели.

В субботу подруга Алька как бы между прочим сказала о том, что слышала, будто где-то недалеко от райцентра, в небольшом селе, живут родственники корреспондента, и что при сильном желании можно навести кое-какие справки о нём. Алька специально сделала ударение на слове «сильном» и пристально глянула Наташке в глаза. Наташка взгляд выдержала, но промолчала. А в выходной Алька на попутном молоковозе всё-таки добралась до того села.

Следующий понедельник был днём сенсаций. Оказалось, что корреспонденту двадцать восемь, что он был женат и что у него есть ребёнок — мальчик пяти лет, что

раньше он был археологом, а два года назад во время раскопок в Средней Азии машина, на которой ехала экспедиция, перевернулась на горном склоне, и жена его погибла. После этого он приехал в наши края и сейчас, говорят, пишет какую-то повесть, а не то даже роман.

Алька на едином дыхании выдала эту информацию дружной бригаде продавцов перед самым открытием магазина, и вся бригада, выслушав её, повернулись в Наташкину сторону.

— Вот ещё, не хватало мне только стать мамой для чужих детей! — вспыхнула Наташка и побежала открывать дверь требовательно стучащим покупателям.

Всю эту неделю она не красилась, но в начале следующей подвела ресницы и даже выщипала брови.

Он не приходил.

В среду, перед закрытием магазина на обеденный перерыв, Наташка решительно сняла трубку телефона и набрала номер редакции.

— Он увольняется, хочет уезжать, — ответили ей. — Нет, расчёт ещё не получал. А что передать?

— Ничего, ничего...

Наташка быстро, словно испугавшись, положила трубку и посмотрела в окно. Порывистый ветер рвал с тополей пожелтевшие листья, и крупные капли дождя, словно дробью, били по стеклу.

«Вот уж и осень, — подумала Наташка. — Настоящая осень...»

Усилившийся дождь распугал покупателей, и магазин после обеда опустел. Наташка, чтобы не терять времени даром, уселась поудобнее за прилавок и стала писать письмо подруге по училищу. Она так увлеклась, что не услышала, как хлопнула входная дверь и на пороге появился Он. Она подняла глаза и увидела Его тогда, когда Он был уже очень близко от неё. Да, это был Он, и Он шёл к ней. Шёл решительно, и даже слишком решительно. От неожиданности Наташка растерялась. Отложив авторучку, встала. Он подошёл к прилавку так близко, как никогда раньше, и она впервые хорошо разглядела его. В эту минуту он был красив: капельки дождя, словно крохотные алмазы, застыли в его тёмных кудрявых волосах.

— Наташа, вы знаете, я уезжаю, — сказал он.

Она кивнула.

— Можно, я вам напишу?

Она опять кивнула.

— Но я не знаю вашего адреса, — сказал он, достав ручку и блокнот.

Руки его тряслись.

— Но вы же знаете дом, в котором я живу, там указаны номер и улица, — неожиданно для самой себя ответила Наташка.

Он с грустью посмотрел ей в глаза, спрятал в карман блокнот и авторучку и, медленно повернувшись, пошёл к выходу.

С минуту Наташка стояла как припаянная, а затем, стремительно обогнув прилавок, выбежала на крыльцо.

Улица была пуста. По-летнему крупный дождь колотил по лужам, образуя пузыри, которые лопались и расходились кругами по воде.

Несколько капель коснулись Наташкиного лица: губ и ресниц. Наташка провела ладонями по векам и размазала тушь. Глаза защипало. Сбежав с крыльца под дождь, она стремительно перебежала магазинный двор и, заскочив в подсобку, усевшись среди пустых коробок, поджала под себя колени и громко, навзрыд, заплакала...

Прошли осень, зима и весна. Наташка с нетерпением каждый день ждала почтальона и с надеждой заглядывала в висевший у калитки ящик. Писем не было.

В конце лета она вышла замуж за бывшего одноклассника и переехала жить в деревню...

1988

ДОЯРКА И ПОЭТ

Поэт разбудил Люсю в шестом часу утра.

— Слушай, я вот тут новое стихотворение написал. «Ода передовику» называется.

Он поправил одной рукой взлохмаченную, уже седеющую шевелюру и, взяв в руки тетрадный листок, начал читать:

Свой личный план он выполнил давно,
Теперь уже в грядущей пятилетке.

Но всё равно, со всеми заодно,
Он чувствует дыханье каждой клетки.

— Чьё дыхание-то? — чисто символически спросила Люся, позёвывая и потягиваясь в постели.

— Как чьё? Пятилетки, конечно! Нет, вернее, клетки! Непонятно разве? Отправлю, пожалуй, в нашу газетку. Сейчас запечатаю в конверт, а Виталька в школу пойдёт — сбросит на почте. Это должны напечатать.

Люся внимательно посмотрела на стоящего перед ней самодеятельного поэта, который день не бритого, в трусах и майке навыпуск, на его скрещённые голые и худые ноги и, отвернувшись, сказала:

— Ты бы курятник отремонтировал... Скоро совсем рассыплется...

— Ну при чём тут курятник?! — вскричал возмущённый поэт, хватаясь обеими руками за голову. — Вечно пристанет с ерундой какой-нибудь. Тут ночами не спишь, душу ей изливаешь, а в ответ никакого понимания!

— Тише! Детей разбудишь! — вполголоса прикрикнула на него Люся, пряча голову под одеяло.

Поэт в сердцах махнул рукой, с шумом выдвинул из-за стола стул, тяжело уселся на него и, сделав не менее тяжёлый выдох, глубоко задумался.

Впервые поэт, работающий в деревне киномехаником, решил переступить порог редакции районной газеты три года назад.

В этот день с утра несколько раз, словно прицеливаясь, прошёлся он мимо небольшого деревянного здания, где располагалась творческая обитель местного значения и где творили мастера художественного слова, изредка бросавшие луч света на события районного масштаба. Наконец, несмело открыв дверь редакции, поэт оказался в небольшом узком коридоре, по обеим сторонам которого располагалось несколько дверей и на табличках, имеющих на каждой двери, были указаны названия отделов. Поэт прошёл в самый конец коридора и, остановившись у двери с надписью «Редактор», попробовал её толкнуть. Дверь оказалась закрытой.

— Вам кого? — услышал он за спиной и повернулся.

Из двери напротив, где ещё минуту назад слышалось стрекотание пишущей машинки, вышла молодая симпатичная женщина.

— Мне бы этого... редактора... — проглотив слюну, выдавил из себя поэт. — Я стихи принёс.

— А его сейчас нет и, пожалуй, ещё целый час не будет, — сказала женщина — как догадался поэт, секретарша редактора.

— Ну тогда его зама могу увидеть? — более уверенно спросил поэт, вспомнив встречу с одним бывалым поэтом, изрядно поднаторевшим в редакциях районных и городских газет и знавшим не понаслышке всю структуру деятельности подобных издательств.

«В районах, брат, главное — редактор. Ну, на худой конец, зам. Остальные значения не имеют, — наставлял тогда бывалый поэт. — Найдёшь общий язык с шефом — тогда и пойдут в свет все твои баллады. А если не понравится ему, то меняй, как говорится, дислокацию... Не теряй попусту времени, иди в другую редакцию...»

Поэт случайно познакомился с бывалым, возвращаясь однажды из отпуска. Они ехали в одном вагоне, и поэт бывалый, с видом знатока перелистывая общую тетрадь со стихами поэта начинающего, безжалостно вычёркивал из неё строки и целые четверостишия, изредка кивая на стоящую между ними бутылку «Столичной», а потом всю ночь напролёт, под стук вагонных колёс и недовольное ворчание пассажиров, читал поэту свои опусы, в которых фигурировали ведьмы и политические деятели разных времён, обнажённые ангелы и популярные киноактёры.

— А вы что, только на таком уровне ведёте беседы, — спросила секретарша, — не ниже? Другие сотрудники редакции, заведующие отделами, вам не подойдут?

— Да, только на таком, — уже уверенно ответил поэт, ещё раз вспомнив бывалого, и гордо поднял голову. — Либо с редактором, либо с его заместителем!

— Ну, раз так, ждите редактора. Заместитель сейчас в отпуске.

Редактор пришёл минут через сорок.

— Что там у вас? — спросил он, вежливо пригласив поэта в кабинет, и предложил ему стул напротив.

По возрасту они были примерно одногодками.

— Да вот, стихотворение... — протянув тетрадный лист и усаживаясь на стул, сказал поэт.

— Одно? — снова спросил редактор.

— Пока одно.

Редактора развернул вчетверо сложенный слегка помятый листок, начал читать.

Жене Люсе посвящается

Звёздочки-глазинки,
Словно две снежинки,
На лету искрятся,
Мне ночами снятся.
Снится мне жемчужина
Невиданной красоты,
Тоненькие лучики
В капельках росы,
Поле золотое,
Песенны края...
Милая, родная,
Ты любовь моя!

— Ну как? — спросил поэт, когда редактор закончил чтение.

— Видите ли, поэзия... — начал было редактор, встав и выдвигаясь из-за стола.

— Нет, вы сразу скажите: годится или нет? — перебил его поэт. — Если нет, то я другое привезу или по почте вышлю. У меня их полно: две общих тетрадки по девяносто шесть листов...

Редактор на мгновение замер с открытым ртом, глаза его с удивлением разглядывали посетителя.

— Ну так что, привозить? — вывел его из оцепенения поэт.

— Лучше пришлите почтой три-четыре стихотворения, а мы посмотрим. Может, какое и выберем.

Стой поры поэт прислал, привёз или передал в редакцию попутно с кем-либо из односельчан более двухсот стихотворений. Однако ни одно из них пока не дошло до районного читателя. Но поэт не сдавался и не отчаивался. Почти каждую ночь он продолжал творить. Уверенности ему придал и такой факт: примерно года полтора назад один из его поэтических опусов

был принят редколлегией стеной газеты колхоза и провисел в правлении на самом видном месте месяцев восемь.

Иногда, когда ему казалось, что удавалось, наконец, найти нужную форму самовыражения, о которой однажды сказал ему редактор, поэт заявлялся в райцентр самолично и спешил к братьям по перу, ежедневно и настойчиво корпевшим над прозой.

Теперь, уже зная всех и каждого в отдельности, поэт бесцеремонно входил в любой из отделов редакции и заводил разговор с сотрудниками с дальним прицелом, который обычно начинался с политики. По ходу разговора, вроде бы случайно, но в то же время настойчиво, он предлагал сотрудникам познакомиться с его очередным поэтическим произведением. Сотрудники районного издания, в свою очередь, также не прерывая разговора, настойчиво старались не замечать нового произведения и пытались каждый раз склонить поэта к работе над произведениями прозаическими, в основном на узкую сельскохозяйственную тему. Поэт, однако, не собирался капитулировать и пускался на хитрость: обещая подумать над их предложением, через неделю-другую появлялся с новым стихотворением.

Часы показывали за полночь, когда Люся, придя домой с вечерней дойки, управилась по хозяйству и зашла в дом.

Из спальни слышались мирное посапывание набегавшихся за день ребятишек и равномерное тиканье будильника. Переодевшись и умывшись в прихожей, Люся прошла на кухню, где горел свет и где, мучаясь над очередным четверостишием, сидел, как всегда, взлохмаченный поэт.

— Слушай, подскажи рифму на слово «слёзы», — попросил он её, не оборачиваясь.

— «Морозы», — почти сразу ответила Люся, разливая молоко в два бокала — себе и ему.

— «Морозы» не пойдёт. Нужно что-то более возвышенное, — проговорил поэт после минутной паузы, связанной с раздумьями, и машинально опустошил стакан. — Я уже и сам тут думал: «розы», «козы»... Всё не то.

— «Грёзы», — сказала Люся, потягиваясь. — Ты когда калитку наладишь? Зимой ещё поломали, так и стоит. И гуси, и куры, все, кому не лень, на двор бегут.

— «Грёзы», говоришь?.. Ага, «грёзы»... Что-то в них есть, в «грёзах» этих... — забубнил поэт, склоняясь к столу ещё ниже.

Она уже засыпала, когда он легонько толкнул её в плечо.

— Ну что тебе? — недовольно отозвалась Люся.

— Слушай, по-моему, получилось как надо. И главное — короткое, как редактор говорил: «Краткость — сестра таланта».

— Чехов, — сказала Люся сонным голосом.

— Что Чехов? — не понял поэт.

— Не редактор твой вовсе, а Чехов сказал: «Краткость — сестра таланта».

— Мне редактор сказал...

— Ну ладно, читай быстрее, я спать хочу. Утром на дойку вставать рано надо...

Жизнь нас учит смеяться сквозь слёзы:

В январе хлынет дождь, в лето лягут снега.

Тают детства туманные грёзы,

И всё дальше надежд берега... —

с пафосом, на одном дыхании, продекламировал поэт.

— Это стихотворение всем стихотворениям моим — первейший стих! — сказал он затем не без гордости. — Это уж точно напечатают. Пусть попробует только не напечатать. Я мигом напишу в краевую журналистскую организацию, и в республиканскую тоже, да и в журнал «Журналист», пожалуй, копию пошлю... Пусть приедут, выяснят, чем они тут занимаются. Про передовиков им пиши. На корню таланты губят, потом говорят: мол, оскудела русская поэзия...

Люся не ответила. Поэт подошёл поближе. Поняв, что жена уснула, махнул рукой.

— Нет, это должны напечатать, — уверенно сказал он, возвращаясь на кухню. — Такой стих, по-моему, в районе никто ещё и не придумывал. Напечатают... Завтра же поеду сам в райцентр, покажу редактору.

Поэт выпил ещё один бокал молока, пробежался взглядом по ровно выведенным на белой бумаге строчкам, аккуратно свернул лист вдвое и с чувством исполненного долга лёг спать.